

Парадигма директивно-плановой экономики

© Г.А. Черемисинов, 2003

В статье исследуются методологические проблемы смены парадигм экономической науки. Теория директивно-плановой экономики рассматривается как особая парадигма и как составная часть общей теории российской экономики.

Российская экономическая наука до сих пор пребывает в аномальной ситуации двойного исторического разрыва. Один из них образовался в первой трети XX столетия, после эпохи революций и гражданской войны. Другой отрыв прошлого от настоящего возник в конце XX в. в ходе перестройки экономики на рыночный лад. Указанные исторические разрывы рассекали российское хозяйство и экономическую мысль на три периода. Понимание тенденций развития России во многом еще остается половинчатым, поскольку оно сводится к простому противопоставлению предшествующего периода последующему и не показывает закономерной взаимосвязи между ними. Исследование исторической преемственности позволило бы устранить внутренний надлом экономической науки, сделать ее целостной, способной критически переосмыслить и включить прошлый опыт, обогащая собственное содержание.

Для построения обобщающей теории российской экономики недостаточно идей

западного либерализма. В основе традиционных воззрений еconomics лежит односторонний взгляд частного лица, а государство выступает производным элементом рыночного обмена. С этих позиций нелегко понять закономерности становления, существования и преобразования директивно-плановой системы советской экономики. Более продуктивным оказывается иной методологический подход, согласно которому государство является главным субъектом национальной экономики, определяющим траекторию и качество экономического роста, социальную структуру и хозяйственный механизм страны.

Плодотворным направлением исследований может стать методология смены парадигм, под которыми чаще всего понимают теоретические устои, господствующие в научных кругах на протяжении определенного исторического этапа. При выработке новой парадигмы, т.е. целостной системы представлений об обществе и происходящих в нем переменах, классические или традиционные воззрения не отбрасываются,

а входят в формирующуюся систему представлений как частный случай (Абалкин, 2001). Таким частным случаем была парадигма экономической мысли, сложившаяся в СССР в годы нэпа (в конце 1920-х – начале 1930-х годов) – директивно-плановая хозяйственная система.

В литературе встречаются и более широкие толкования понятия парадигмы. Этот термин используется для периодизации научно-технических достижений, он отражает сумму технико-производственных знаний и способы их практической реализации (Кун, 1977). Культурно-экономическая парадигма описывается как совокупность способов организации производства, норм и правил хозяйственного поведения, доминирующих социальных типов хозяйствующих субъектов и др. (Белоусов, 2000).

Думается, что допустимо и иное толкование. Хозяйственный механизм общества можно рассматривать как своего рода *хозяйственную парадигму*: систему экономических знаний и практических навыков, образцов (примеров) поведения, стимулов и регуляторов воспроизводства, организационных форм, правовых, культурных, религиозных норм, идеологических установок. У каждого народа образуется свое сочетание частного почина и государственной регламентации, идеологии индивидуализма и соборности, почитания традиций и веры в здравый смысл. Оно формирует тип работника, трудовую этику, потребности, хозяйственное право, которые придают экономике национальную особенность. «Парадигмальный» подход позволяет учесть специфику течения отечественной истории.

Господствующие образцы хозяйственного поведения сводят воедино обособлен-

ные устремления различных людей, социальных групп, коммерческих предприятий и некоммерческих учреждений, государственных органов управления. Хозяйствующие субъекты приспособляются к существующей экономической ситуации. В то же время они деятельно, соразмерно собственной мощи, видоизменяют условия хозяйствования, приближают будущие структурные сдвиги в экономике, подготавливают очередные реформации экономической мысли и хозяйственных регуляторов. Возникает напряженность, зреют конфликты между социальными силами, благополучие которых связано с новоявленной или изживаемой системой ценностей.

Смена хозяйственных парадигм, как правило, сопряжена с коренной перестройкой отраслевой структуры экономики, когда освоение серии научно-технических достижений и передовых технологий создает перспективные сферы и формы организации предпринимательства. Межотраслевой перелив капитала влечет за собой людей на новые рабочие места. Распределение занятости трудоспособного населения определяет интересы, идеологические предпочтения и расстановку сил социальных групп.

Проблему исторического развития экономических систем можно решать, используя концепцию больших циклов или длинных волн (Кондратьев, 1925), в основе которых лежат процессы перестройки всей социально-экономической структуры, охватывающие полувековой временной горизонт (45–60 лет). В теоретической модели длинных волн взаимодействуют несколько факторов: накопление капитала, динамика банковского процента, формирование и развитие рынков продукции, изменение

расстановки сил различных стран на мировом рынке и передел сфер влияния в международном хозяйстве, действие социальных групп внутри отдельных государств, использование достижений науки и техники в производстве, функционирование денежной системы.

Методологический подход Н.Д. Кондратьева отличается широким углом зрения, охватывающим пеструю палитру хозяйственной жизни. Все элементы больших циклов взаимозависимы, но ни один из них не является первопричиной длинной волны. Причем собственно экономические процессы органически сочетаются с событиями, кажущимися на вид случайными. Изучение различных сфер общества в аспекте их соответствия друг другу предпочтительнее выделения отдельных причинно-следственных связей.

Концепция больших воспроизводственных циклов снимает многие формально-логические противоречия. Исчезает непроходимая стена между индивидуально-описательным (идеографическим) и абстрактно-схематическим (номографическим) подходами. Любое историческое событие понимается как результат стихийного сцепления обстоятельств и как звено в закономерной цепи явлений.

В рамках теории длинных волн появляется возможность совместить две методологии: динамических макроэкономических моделей и институционализма. С одной стороны, в ней заложены исходные предпосылки для анализа темпов и качества экономического роста или падения производства валового национального продукта, для исследования колебаний конъюнктуры различной периодичности и амплитуды, а также функционирования отдельных сфер хо-

зяйства и их взаимосвязи. С другой стороны, методология больших циклов позволяет свести воедино многие институциональные составляющие: отраслевую и социальную структуры, компоненты механизма равновесного регулирования экономики, образцы предпринимательского поведения, технологические, экологические и демографические факторы экономического развития, экономическую политику и т.д.

Венгерский экономист Я. Корнаи предложил специфическое понятие «системная парадигма». По его мнению, парадигма – это долговременно существующий способ мышления научного сообщества. Новые поколения изучают ранее созданную парадигму по учебникам. *Системная* парадигма позволяет взглянуть на длительный исторический период и обеспечивает определенный круг исследователей интеллектуальным путеводителем. Автор перечисляет главные свойства системной парадигмы: системный анализ; интеграция всех обществоведческих наук; институциональный подход; историческое объяснение происходящего; политический либерализм и индивидуальный выбор; переход от одной системы к другой; выявление имманентных недостатков функционирования системы; сравнение общественных систем (Корнаи, 2002).

Директивно-плановая система хозяйствования, сформировавшаяся в СССР в годы нэпа, и ее теоретическое отражение в научных трудах и учебниках соответствуют почти всем признакам (свойствам) системной парадигмы, перечисленным Я. Корнаи, кроме одного – идеологии либерализма и адекватной ей концепции *economics*. Вероятно, поэтому он не упоминает парадигму директивно-плановой экономики. Среди ученых, оказавших существенное

влияние на формирование системного парадигмального подхода, называются в основном сторонники неоклассических, либеральных взглядов. Особняком в их ряду стоит К. Маркс – основатель социалистической системной парадигмы, но его имя и труды упоминаются скорее в качестве объекта критики. Даже Дж.М. Кейнс, изменивший стиль мышления западной экономической мысли, не попал в число «пророков» (Корнаи, 2002).

Впрочем, директивно-плановая экономика была самостоятельной системной парадигмой – в СССР изучался вузовский курс политической экономии социализма, который отражал исторические реалии. Фундамент этой научно-методической концепции заложили в эпоху нэпа российские экономисты В.П. Акуленко, В.А. Базаров, Н.Д. Кондратьев, Л.Н. Крицман, В.В. Новожилов, Е.А. Преображенский, С.Г. Струмилин, Л.Н. Юровский и др.

Я. Корнаи, приверженец неоклассической экономической теории, отвергает иные методологические подходы. В этом проявляется слабость его концептуальных воззрений, опирающихся на упрощенный, статический анализ. Доказательством тому служит попытка построения обобщающей модели директивно-плановой экономики «восточно-европейского типа» в солидной монографии «Дефицит», изданной на русском языке в 1990 г.

Дух есоnomics проявлялся здесь в том, что Я. Корнаи видел главную задачу исследования в изучении экономических процессов на микроуровне в ситуации краткосрочного приспособления спроса и предложения. Поскольку логика доказательства строилась на противопоставлении абстрактной модели социализма иде-

альной модели свободной конкуренции, постольку автор начинал с предпосылок отсутствия в директивно-плановом хозяйстве цен, прибыли, зарплаты, денег (Корнаи, 1990. С. 41, 45).

Абстрагирование от товарно-денежных отношений допускалось из-за неверной посылки о том, что экономика в условиях неизменных цен и без воздействия цен – одинаковая. В таком подходе скрывается более глубокий методологический изъян – допущение соизмеримости экономических процессов без денежной формы, без ценностного счета. Поэтому автор сразу же наткнулся на проблему измерения и наблюдения экономических фактов. Так же сложно говорить об инвестициях, выдвигнув предположение об отсутствии денег.

Наш венгерский современник ссылался на работы российских экономистов эпохи нэпа, выделяя публикацию Л.Н. Крицмана «Героический период Великой русской революции» и статью В.В. Новожилова «Недостаток товаров» (Корнаи, 1990. С. 55). Но его собственный анализ противоречил методологическим предпосылкам российских теоретиков. Проблема товарного дефицита исследовалась ими в условиях фиксированных, заниженных цен, а не при отсутствии денежного обращения и ценового счета (Новожилов, 1926). Даже в деградировавшей, тяготеющей к натурализации военно-коммунистической экономике сохранялось свободное хождение денег и ценообразование (Крицман, 1924).

Российские ученые подчеркивали, что в натуральном государственном хозяйстве эпохи военного коммунизма планомерность была невозможна. Без товарно-денежных отношений директивно-плановая парадигма «зависала» в сфере идеологии и

организационно-правовых мероприятий, не опиралась на экономический фундамент. Поэтому основой успешного планового руководства считался товарный рынок (Базаров 1924). Объяснение несостоятельности теорий безденежного хозяйства подкреплялось ссылками на безуспешность их практической реализации в России в 1919–1921 гг. (Юровский, 1928. С. 88–125).

От абстрактных, нереальных предпосылок, в стиле «при прочих равных условиях», венгерский экономист постепенно отказывался, противореча сам себе. Делая уступку в том, что причины дефицита в социалистическом хозяйстве заключаются не в ценах, а в институциональных условиях, Я. Корнай косвенно вводил в исследование цены. Затем разговор заходил о заработной плате, деньгах, денежном спросе, денежном предложении и т.д. Наконец, автор доказывал недостаточность классического анализа только на уровне граждан и предприятий и допускал в свою схему государство (Корнай, 1990. С. 375, 397, 539). Без воздействия государства на цены и централизованного финансирования капиталовложений объяснение избыточного спроса и продуктового дефицита заходило в тупик.

Деятельность государства, связанная с использованием казенной собственности, может быть рассмотрена как предпринимательская, поскольку ей движет мотив расширения кругооборота контролируемых хозяйственных ресурсов. В сферу государственного предпринимательства входит непосредственное ведение хозяйства (казенное производство товаров и услуг, торговые монополии, займы и субсидии, текущее поступление и расходование средств бюджета), а также реализация

функций государственного управления (организация кредитно-денежного обращения, законодательное установление налоговых платежей, регулирование режима внешнеторговых связей, регламентирование цен, тарифов, условий найма рабочей силы). Государственное предпринимательство охватывает спектр отношений с различной степенью эквивалентности: от безвозмездного присвоения и безвозвратного расходования части национального дохода на основании публичного права – до обычных рыночных сделок в соответствии с гражданско-правовыми нормами.

Объединяющей основой государственного предпринимательства служит бюджет. Размеры и характер обращения бюджетных ресурсов обуславливают первенство государства в экономической системе страны. Государство стремится повседневно приумножать свои финансовые возможности, как и всякий субъект хозяйствования. Однако рассматривать государство в качестве единого субъекта можно лишь с известными оговорками.

Власть представлена многочисленным слоем служащих, образующих иерархию управления. Между отдельными группами управленцев объективно, по причине их принадлежности к разным ведомствам, существует конфликт интересов. Распределение казенных денежных потоков протекает в противоборстве и разногласиях на каждом уровне административно-хозяйственного руководства. Право конечного использования государственных ресурсов передается в руки частных лиц, коммерческих и некоммерческих организаций. Так формируется сводный субъект экономической деятельности с расплывчатыми границами, но с ярко выражен-

ным общим интересом: доступом к средствам бюджета.

Понимание государства как хозяина – традиционное для российской экономической мысли. В частности, об этом толковал сто лет тому назад представителям российской императорской династии С.Ю. Витте (Витте, 1912). Постановка вопроса о государстве-предпринимателе содержится в трудах современника С.Ю. Витте – немецкого социолога М. Вебера, который указывал на превращение политики в предприятие, а чиновной бюрократии – в самый могущественный социальный слой населения страны (Вебер 1990).

Взгляды М. Вебера своеобразно отразились в современных институциональных концепциях. Теории рыночного обмена и фирмы применяются для объяснения мотивов поведения бюрократов и законодателей. По мнению одного из основоположников теории «общественного выбора» Дж.М. Бьюкенена: «В рамках заданных ограничений бюрократ пытается максимизировать свою собственную полезность. Он не отличается в этом отношении от других людей. Трудно ожидать, что он будет продвигать некие неясно определенные «общественные интересы» до тех пор, пока они не будут согласовываться с его собственными» (Бьюкенен, 1997). Аналогично рассуждают Э.Б. Аткинсон и Дж.Э. Стиглиц, полагая, что бюрократы стремятся увеличивать размер своего учреждения в точном соответствии с теорией фирмы, призывающей максимизировать управленческую функцию полезности. В число переменных функции полезности бюрократ вводит заработную плату, приработок на службе, общественную репутацию, власть, патронаж (покровительство), результаты деятельности учреждения, свободу производить

перемены и свободу управления учреждением (Аткинсон, Стиглиц, 1995).

Бюрократия преследует собственную выгоду, сосредоточивая средства у себя в ведомствах. Централизация денежных источников усиливает социальный статус и распорядительные полномочия госаппарата. Государственные служащие лишь постольку содействуют развитию отечественной экономики, поскольку оно отвечает их личным стремлениям. Это – нормальное проявление «естественной» заинтересованности человека в удовлетворении своих потребностей. Чем больше ресурсов распределяют по своему усмотрению чиновники всех уровней, тем больше зависит общество от бюрократии и больше возможностей для неформальных, «теневых» экономических отношений. С.И. Сметанин пишет о существовании «теневой экономики» в России уже в XVI в. (Сметанин, 1997).

Однако в экономической теории крайне редко и скупо разбираются мотивы поведения государственного аппарата как субъекта хозяйственной деятельности, имеющего специфические интересы. Одним из объяснений подобного положения дел может служить идеологическое господство правящей бюрократии, поддерживаемое ее политико-экономической мощью. Говоря об идеологии бюрократии, Й. Шумпетер подчеркивал, что она, «помимо прочего, включает чисто идеологическое отрицание того факта, что ей присущ групповой интерес, который может влиять на проводимую ею политику. Это первый пример влияния идеологии на анализ, первый – потому что под влиянием именно этой бюрократической идеологии сформировалась антинаучная привычка экономистов рассматривать государство как надчеловеческое учрежде-

ние, деятельность которого направлена на общее благо, и игнорировать реальные факты из области государственного управления» (Шумпетер, 1989).

Национальную экономику следует рассматривать как многоуровневую (многоукладную) систему, построенную по принципу иерархической пирамиды. В ней (снизу – вверх) присутствуют: нерыночный сектор натурального домашнего хозяйства; сектор индивидуальной трудовой деятельности и кооперативов; мелкие и средние предприятия, в том числе и розничной торговли; корпоративный сектор, включая оптовую торговлю, биржи и банковские учреждения; государственный сектор.

Каждому укладу присущи свои цели ведения хозяйственной деятельности и свои экономические регуляторы, а также свой наиболее эффективный состав отраслей экономики. Вышерасположенный уклад – «надстройка» – играет ведущую роль по отношению к нижестоящему в иерархии укладу. Интересы субъектов внутри уклада также структурируются по их политико-экономической силе. Пирамидальная концепция укладов объясняет взаимосвязь и соподчиненность хозяйственных отношений, приоритет интересов политико-хозяйственной бюрократии (высшего эшелона госаппарата и ведущих управленцев корпоративного сектора).

В рамках институционального подхода в качестве одной из возможных парадигм хозяйствования выступает директивно-плановая система. Более того, изучение уникального исторического опыта СССР имеет непреходящее значение для общетеоретических постановок проблемы государственного предпринимательства – точно так же, как практика Великобритании

XIX в. для теории свободной конкуренции. Советская экономика – своего рода «классика» казенного ведения дел.

Воспроизводственные циклы задают своеобразную форму развитию общественных явлений. Такое развитие протекает как процесс взаимодействия противоположных тенденций, попеременное преобладание каждой, – здесь возможны спады и подъемы, своя периодичность. Такое видение позволяет понять не только колебания экономического роста, но и обратимость некоторых институциональных изменений, периодичность и закономерности развития предпринимательства за казенный счет. Длинноволновое «обрамление» помогает объяснить переходные состояния российского хозяйства, определить исторический вектор перестройки государственного предпринимательства и прочих социально-экономических институтов.

Обычно в стране наблюдается известное соответствие между состоянием хозяйственного механизма, соподчинением интересов социальных групп, соотношением частного и государственного предпринимательства и законодательным регламентированием экономической деятельности, а также динамикой колебаний конъюнктуры. Государство играет решающую роль в формировании структуры и установлении порядка функционирования перечисленных компонентов социально-экономической сферы. Они составляют круг тех обстоятельств, к которым приспосабливается правящая власть и которые она приспосабливает к собственным нуждам.

Хозяйственные отношения государства регламентируются нормами публичного и гражданского права. Пропорции между публично-правовой и гражданско-право-

вой деятельностью обуславливают структуру и размеры казенного предпринимательства, показывают объем ресурсов, присваиваемых и используемых им безвозмездно, с некоторой долей возмездности и за счет эквивалентного, товарно-денежного обмена. Границы государственного хозяйствования очерчивают пределы, в которых допускается частное ведение дел.

Государство не только выступает гарантом соблюдения принятых нормативных актов, оно же само и меняет правила рыночной игры, пренебрегая – ради собственной же выгоды – потребностями физических лиц и организаций. Законотворчество дает возможность государственному аппарату определять социальную стратификацию – расслоение общества на группы по различным признакам: доходам, имуществу, профессиям и т.д., управлять социальной мобильностью – передвижением людей из одного слоя в другой, сооружать удобную социальную иерархию. Бюрократия сохраняет свою незыблемость, успокаивая конфликтующие силы, разрешая противоречия интересов социальных групп.

Правительство строит свои отношения с частными дельцами, кооперацией, казенными предприятиями и организациями, наемными работниками, всем населением, используя регламентируемые законодательством формы: бюджет, налоги, займы, кредитно-денежную эмиссию, процент по ссудам, заработную плату, доходы, прибыль, цены, обменный валютный курс, таможенные пошлины и т.п. Эти формы составляют хозяйственный механизм общества и механизм согласования многочисленных экономических интересов.

В каркасе социальной и институциональной структуры хозяйственного меха-

низма развивается экономика страны, осуществляется казенное предпринимательство, складываются важнейшие макроэкономические пропорции и параметры. На пульсацию внутреннего рынка серьезно влияет работа государственной машины – она ведет текущее хозяйство и переделывает социально-экономические институты.

Государственное предпринимательство в годы нэпа развивалось в реконструктивном режиме, оно определяло параметры экономического роста и институциональные преобразования. Оно прошло две стадии: восстановительную и реформационную. Соответственно, среднесрочные колебания конъюнктуры представляли собой инвестиционный цикл реконструктивного типа и характеризовались «двугорбым» трендом «подъем – спад». Динамика накопления капитала, выпуска продукции, рыночного товарооборота была кумулятивной («саморазгоняющейся» вверх и вниз). Отличием первой волны цикла (1921–1926 гг.) было преимущественное инвестирование в элементы оборотного капитала при относительном избытке основного в виде бездействовавших производственных мощностей. Второй всплеск инвестиционной активности (1927–1932 гг.) был следствием принудительного накопления, проводимого государственным предпринимательством.

На первой стадии реконструктивного цикла восстановление государственной властью элементов прежней хозяйственной парадигмы, межотраслевых пропорций и экономический рост поддерживали друг друга. Рационализация государственного предпринимательства ослабила его разрушающее воздействие на экономику: нормализовала налоговую систему, сбалаंसировала бюджет, уменьшила объем ре-

сурсов, отвлекаемых от социально-экономических задач. Опыт нэпа подтвердил инертность экономики. Особенно устойчивой была отраслевая структура, сохранившая преемственность хозяйственного развития. Жесткий технологический каркас восстановился после необратимых перемен в государственном устройстве, идеологии, отношениях собственности, невзирая на трансформацию механизма регулирования экономики.

Кризисное разрушение в годы военного коммунизма предшествовавшей хозяйственной парадигмы шло параллельно с возникновением новых элементов равновесного регулирования экономики. Но становление очередной (директивно-плановой) парадигмы хозяйствования и соответствующей модели государственного предпринимательства завершилось после возобновления положительной макроэкономической динамики и институциональных реформ на исходе нэпа. Реконструктивный период возобновил закономерное движение российской экономики по историческому вектору индустриализации.

Реформационная стадия была обусловлена исчерпанием резервов экстенсивного подъема и переходом экономики в состояние структурного кризиса. Преобразование государственного предпринимательства было вызвано потребностями повышения доли накопления в национальном доходе, перераспределения средств в научно-техническую сферу, инвестиционный сектор и новейшие отрасли индустрии. На второй стадии реконструктивного цикла чрезмерное казенное инвестирование сопровождалось перестройкой и разрушением рыночных регуляторов и отраслевой структуры, замедлением хозяйственного

развития. В соответствие с обновляемой моделью казенного ведения дел реформировались институты рыночного хозяйства. В годы нэпа институциональные изменения, инициированные государством, имели такой же обратимый характер, как и колебания макроэкономической конъюнктуры.

Завершение нэпа было переломным моментом большого, полувекового цикла хозяйственного развития, понижательная (неблагоприятная) стадия которого началась вместе с первой мировой войной. Реформирование отечественной экономики осуществлялось как естественная реакция власти на обстановку системного кризиса, в котором оказался Советский Союз в 1929 г., т.е. на «разломе» больших циклов. Дальнейшее функционирование казенного предпринимательства в «традиционно-рыночном» режиме нэпа не способно было развязать узел острейших социально-экономических противоречий. В 1930-е годы набрала мощь общемировая тенденция усиления роли государства в экономике. Воплощение этой закономерности в нашей стране привело к тому, что позиции казенного предпринимательства стали почти всеобъемлющими.

Реформы 1930 г. управления промышленностью, кредитной системы, налогообложения в сочетании с коллективизацией крестьянства, кустарей и ремесленников создали механизм чрезвычайного изъятия ресурсов на нужды государственного предпринимательства, который позволил качественно изменить важнейшую макроэкономическую пропорцию между потреблением и накоплением в национальном доходе.

Создание системы государственного директивно-планового управления перевело

экономику в инвестиционно-мобилизационный режим. До того государственный аппарат прибегал к широкомасштабному «плановому» регулированию российского хозяйства и ограничению потребления граждан в годы первой мировой и гражданской войны. Норма сбережения в национальном доходе, колебавшаяся в мирное время в интервале 8–9% (Железнов, 1927), в эпоху военного коммунизма достигала 50% (Юровский, 1928. С. 15). Приближение к этому пороговому уровню сопровождалось деградацией и натурализацией экономики страны. В 1930 г. норма сбережения превысила 25% пороговый уровень, совместимый с экономическим ростом, а в 1932 г. достигла пика – 37,4% (рассчитано по данным: Барсов, 1969; Малафеев, 1964). Такого качественного изменения пропорции между потреблением и сбережением населения невозможно было достичь в рамках традиционного смешанного рыночного хозяйства со свободным частным предпринимательством. В 1940 г. норма сбережений в национальном доходе вновь поднялась до 35%, из которых 11% составили военные расходы (Белоусов, 2000).

Советская плановая экономика, по нашему мнению, может рассматриваться как разновидность рыночного хозяйства. Относительно устойчивыми параметрами в ней были товарные цены, заработная плата, банковский процент, норма прибыли. Равновесие на рынках товаров, труда, денег и капитала регулировалось соответствующими показателями: объем производства (продаж) продукции, занятости работников, денежной массы в обращении и капитальных вложений. Экономический рост обеспечивался интенсивным государственным инвестированием, выходящим за грань инфляционной загрузки производ-

ственных мощностей и создававшим обстановку избыточного спроса на факторы производства и продукты.

Парадигма директивно-планового хозяйствования была способна к самовозобновлению и эволюции в исторической перспективе. Циклическая форма развития казенно-кооперативной экономики воспроизводила исходные предпосылки собственного существования. Потребность в централизованном плановом управлении сохранялась на всех стадиях периодических колебаний экономического роста.

Экономика Советского Союза могла развиваться в условиях «естественного», хронического товарного голода. При этом степень дефицитности продуктов изменялась периодически (циклически): нарастала по мере подъема конъюнктуры и ослабевала с уменьшением инвестиционной нагрузки. Темпы экономического роста падали одновременно с распространением недостатка товаров. При достижении критической черты дефицитности ресурсов и межотраслевых диспропорций рост производства замедлялся.

Выходом из кризисной ситуации служил пересмотр некоммерческих, заниженных цен в сторону повышения. Эта мера возвращала на рынок временное, относительное равновесие, снимала напряжение бестоварья и открывала путь для движения по траектории очередного циклического подъема хозяйственной конъюнктуры. Периодические широкомасштабные пересмотры оптовых цен и тарифов проводились в 1936 г., 1939 г., 1949–1955 гг., 1966–1967 гг., 1973–1974 гг., 1982 г. Они определяли среднесрочный ритм жизни отечественного хозяйства в течение полувека.

С негативными последствиями директивно-планового управления советское государство справлялось во времена хорошей конъюнктуры. Но долгосрочный перелом к худшему заставлял вносить коррективы в руководство экономикой. Попытки ее реформирования предпринимались неоднократно: в середине 1960-х, на стыке 1970-х и

1980-х годов и, наконец, во второй половине 1980-х годов. Провозглашение политики «перестройки» свидетельствовало об исчерпании резервов роста советской экономики. Триумф и падение парадигмы директивно-планового хозяйствования уместились в один кондратьевский цикл.

Литература

Абалкин Л.И. Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. В кн.: Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 3. Москва-Волгоград, 2001. С. 15, 17, 18.

Аткинсон Э.Б., Стиглиц Дж.Э. Лекции по экономической теории государственного сектора. – М., 1995. С. 425.

Базаров В.А. К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. 1924. № 6.

Барсов А.А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. – М., 1969. С. 90–91, 108.

Белоусов А.Р. Становление советской индустриальной системы // Россия XXI. 2000. №2. С. 37; №3. С. 42.

Бьюкенен Дж.М. Сочинения. Серия: Нобелевские лауреаты по экономике. Т.1. – М., 1997. С. 413.

Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. С. 559, 660, 661.

Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Его Императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. – СПб. 1912. С. 416, 417, 449.

Железнов В.Я. Накопление в народном хозяйстве СССР // Вестник финансов. 1927. №9. С. 50.

Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925. Т.1. Вып.1. С. 28–66.

Корнаи Я. Дефицит. – М., 1990.

Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. 2002. № 4. С. 6–12.

Крицман Л.Н. Героический период Великой русской революции // Вестник коммунистической академии. 1924. Кн. 9.

Кун Т. Структура научных революций. – М., 1977. С. 11, 28.

Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917–1963 гг.). – М., 1964. С. 400.

Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. №2.

Сметанин С.И. Особенности промышленного предпринимательства в России XVI–XVII вв. В кн.: Традиции и опыт российского предпринимательства: История и современность. – Волгоград, 1997. С. 17.

Шумпетер Й. История экономического анализа. В кн.: Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. – М., 1989. С. 277.

Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1928). – М., 1928.

Статья поступила в редакцию 31.01.2003 г.